

Э. Ю. Жейдс

*СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-
ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ (ELKRAS)*

В современном российском лютеранстве многие исследователи уже отмечали устойчивые тенденции к разделению, однако, не анализируя его причины, ссылались только на национальные и традиционно-вероисповедные различия. Между тем, причин несколько. Более того, они таковы, что просто разделением старых структур и образованием новых процесс уже не может ограничиться и завершиться.

Изучая и анализируя в течение 12 лет ситуацию как в ЕЛЦ в России, так и в лютеранстве в целом, я могу охарактеризовать нынешнее положение своей церкви следующим образом.

Во-первых, со времени возрождения церковных структур ЕЛЦ в 1990-е гг., церковь так и не выработала своей российской идентичности, хотя для этого были все предпосылки. Лютеранство является традиционной религией в стране со времен Российской империи, впервые церковь была конституирована в 1832 г. Вероисповедные и церковно-правовые традиции и установления, за исключением перерыва примерно в 20 лет (с 1935–1938 до 1957 г., когда все церковные структуры прекратили свое существование), уже сформировались, складываясь на протяжении почти 400 лет. Эти традиции и установления впитали в себя не только положения уставов церквей Восточной Пруссии и Швеции, не только традиции, привнесенные пасторами и епископами из различных германских земель, но и элементы российского законодательства, общественного устройства.

Российские лютеране: немцы, шведы, финны, эстонцы, латыши, были не только, в большинстве своем, образованными и думающими людьми, они были гражданами и патриотами своей страны. То наследие, которое они оставили, грандиозно по своим масштабам, и у современных россиян оно вызывает уважение и восхищение. Почти у всех. Кроме их прямых наследников и правопреемников. За все время существования современной ЕЛЦ, структуры которой были восстановлены в 1993 г. они ни разу не обратилась к наследию имперской церкви, и не восприняла российскую идентичность. ЕЛЦ — это структура, изначально отказавшаяся от опыта российских предшественников, сформированная на опыте Евангелической Церкви Германии, в основном без учета требований светского законодательства стран СНГ, в которых оказались различные части некогда самой большой церкви — ELKRAS — Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, Украине, Казахстане и других государствах. Первой проблемой, которая привела к так называемому разделению в 2009 г., стало осознание того, что в органах управления российской структуры не могут находиться иностранные граждане. И тогда встал вопрос — а откуда же в этих органах иностранные граждане? И вовсе не немцы, которые приезжают работать в Россию, а наши братья из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, с Украины и из Грузии. Дело в том, что вопреки законам Российской Федерации, но согласно желанию братьев и сестер из лютеранских общин и церквей этих государств, каждая иностранная церковь написала заявление о вступлении в ЕЛЦ (находящейся, зарегистрированной и действующей на территории России), но в своих государствах они были зарегистрированы как местные централизованные религиозные организации, а не как зарубежные представительства ЕЛЦ. Соответственно, юридически ЕЛЦ всегда была только российской, но управляли ею дважды в год представители иностранных церквей, по сути

и по факту — без права голоса. Понадобилось 16 лет, чтобы это осознать. Таким образом, в 2009 г. на Генеральном Синоде ЕЛЦ произошло не разделение церкви на регионы, а всего лишь было восстановлено соответствие фактического положения структуры церкви юридическому. Однако в настоящее время можно поставить обоснованный вопрос о том, какой из пяти прошедших в период с 1994 по 2012 г. Генеральных Синодов ЕЛЦ является легитимным. То есть, первым следствием отрицания и отсутствия идентичности стало нарушение принципа законности и целесообразности. Трудно спорить с тем, что управление церковью в течение 16 лет при такой системе не могло быть эффективным.

Во-вторых, изначально с 1993 г. не был выработан принцип самодостаточности. В него входит, в первую очередь, понятие самофинансирования. До сегодняшнего дня в ЕЛЦ существует не более пяти общин, которые могут самостоятельно содержать здания или помещения для проведения богослужений, и только одна, которая существует абсолютно самостоятельно в финансовом отношении, оплачивая не только здания, но и всех пасторов и сотрудников. Примерно 99% общин не смогут существовать без поддержки зарубежных партнеров. В этом вопросе также оказался незаслуженно забыт опыт предшественников, создававших кассы взаимопомощи, доходные дома, школы, производства. Также был забыт простой житейский опыт разумной экономии и планирования. На вопрос о том, как мы будем жить завтра, ЕЛЦ не отвечает. ЕЛЦ спрашивает партнеров, как ей жить завтра. ЕЛЦ не принимает самостоятельные решения. Не выработано соотношение в системе власть-ответственность. И основная проблема — фактическое отсутствие квалифицированных кадров для управления церковью. С 1997 г., после открытия Теологической Семинарии ЕЛЦ в Новосаратовке, единственным требованием к образованию было соответствие выпускников некоему общему стандарту, который

бы позволил им проповедовать и проводить богослужения, вести душепопечительские беседы и представлять свои общины в теологических конференциях. Управление общиной и церковью не рассматривалось, иные способы поиска финансирования, кроме как написать проект партнерам, не изучались. В итоге 20 лет спустя местные сотрудники все еще нуждаются в помощи и руководстве партнеров.

Однако не все в ЕЛЦ согласились с тем предложением, которое выдвинули партнерские организации — то есть с полным отсутствием самостоятельности. Их попытка, возможно, несколько несвоевременная и резкая, привела к тому, что в ЕЛЦ таких людей не поняли, а их методы по доказыванию своей правоты были действительно неприемлемы. Тем не менее, выходцами из ЕЛЦ была создана независимая структура, которая существует в настоящее время. Можно предъявлять к данной структуре множество претензий, но в одном их нельзя упрекнуть — в желании сформировать аутентичную российскую лютеранскую церковь, в стремлении к поиску своей идентичности, к самоопределению именно в российском контексте, в доверии к местным сотрудникам, в самофинансировании и помощи другим из своих средств.

Непонимание и нетерпимость внутри ЕЛЦ стали третьей большой проблемой. Эта проблема существует по настоящий день и усугубляется. В Евангелии от Марка 3:24 мы читаем: «... если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». Думаю, ясно без комментариев, насколько болезненна и мучительна такая ситуация в церкви. Из нее невозможно выйти без последствий. Церковь, в отличие от любой другой организации, не может просто уволить неугодных и забыть о них. Особенно такая маленькая структура, как ЕЛЦ. В последние годы статистика не велась, однако по данным 2005 года можно сказать, что в этой структуре сейчас не более 10000 человек, практически все сотрудники знакомы друг с другом, информация распространяется мгновенно.

В-четвертых, стоит вспомнить пресловутый «национальный вопрос». Хотя и в небольшой степени, но он все еще влияет на развитие и рост общин, особенно если в общине служит пастор, не говорящий по-русски и нет богослужения только на русском языке.

Как мы видим, на разделение российских лютеран влияют многие внутренние факторы, однако не стоит забывать о внешних. И здесь можно постараться найти ответ на вопросы: кому нужна единая и сильная лютеранская церковь в России и кому она не нужна? В первую очередь, она не нужна самим лютеранам. В ЕЛЦ до сих пор нет понимания того, что ЕЛЦ в России — единая и все общины в ней взаимосвязаны. И не только по уставу, но и в силу исторической данности, и в силу необходимости. Некогда ЕЛЦ была самой крупной и сильной церковью в России, и могла стать инициатором объединения всех лютеранских церквей в единую структуру. Теперь, в силу отсутствия внутреннего единства и единого руководства, церковь не может не только выдвигать свои предложения, но и принимать чьи-либо, поскольку решения такого уровня не могут быть приняты при существующей бюрократической структуре и отсутствии видения настоящего и будущего церкви. В объективном и субъективном смысле. А без участия ЕЛЦ российских лютеран объединить невозможно. Как писал Дитрих Бонхеффер: «Время коротко. Вечность долга. Настало время решений. ... Так последняя мысль посланников направляется не на их личный путь, личные страдания и личную награду, но на цель их трудов, на спасение общины».

Пятой проблемой является нынешняя многоуровневая система управления ЕЛЦ. С 2009 года не существует разделения на законодательную и исполнительную власть (судебная отсутствует уже с 1993 года). В небольшой по численности церкви действуют одновременно 3 консистории, 3 синода, и 3 управления, мало взаимодействующие между

собой. Ни один устав не приведен в соответствие с вышестоящим. Наверное, все это не очень нужно, но ощутимо сказывается на положении вещей. До 2014 г. положение останется таковым. Изменится ли оно после Генерального Синода 2014 года, пока сказать трудно.

Таким образом, ЕЛЦ в настоящее время, это постепенно саморазрушаемая структура, утратившая былое положения среди лютеранских церквей в России. Однако, такое положение отнюдь не означает, что оно безнадежно и безвыходно. Сейчас для ЕЛЦ — время, когда все ошибки прошлого и настоящего стали очевидны для всех ее членов и для партнеров. А, как известно, понимание проблемы — это наполовину ее решение. Решать придется наконец-то, и ЕЛЦ еще ожидают трудности, но это могут быть трудности созидания, преодолеваемые совместными усилиями. Это может стать новым импульсом для дальнейшего развития. И все лютеранские церкви России должны быть заинтересованы в стабильности ЕЛЦ, поскольку в этом заложена не только общая репутация конфессии, но и будущее единство лютеран России. Время покажет.